

После спортивного мероприятия классный руководитель 1-го и 2-го классов, учитель Лю, действительно стал более внимательно следить за учениками, следя за тем, чтобы они сосредоточились на учебе. В результате на этой неделе уроков физкультуры не было.

Были объявлены результаты второго ежемесячного экзамена в этом семестре, и рейтинг Ли Тана поднялся более чем на сто позиций. Хотя его положение в группе не значительно улучшилось, учитель Лю все равно хвалил и подбадривал его.

Наконец-то вкусив сладость учебы, Ли Тан в последнее время редко опаздывал на утренние занятия по чтению. Хотя его оценки по китайскому оставались стабильно низкими, и каждое сочинение отклонялось от темы, его учительница китайского была на пределе своих возможностей. В отчаянии она порекомендовала ему несколько классических романов, предложив читать их хотя бы в свободное время, чтобы улучшить свое языковое восприятие.

9 ноября была пятница, и Ли Тан встал рано. Умывшись и выйдя из комнаты, он с удивлением обнаружил, что дверь спальни его матери Чжан Чжаоюэ открыта, но ее самой там не было.

Внизу он впервые столкнулся с тетужкой, которая вытирала стол.

Она указала в сторону кухни:

— Мадам готовит лапшу.

Ли Тан уже пробовал лапшу, приготовленную Чжан Чжаоюэ. Она была приготовлена на основе бульона из свиных костей с кунжутной пастой чили в качестве приправы и подавалась в суповой тарелке с нежной, тягучей лапшой. Сверху добавлялись ломтики говядины, украшенные кинзой. Ничего особенного в ней не было, но она была вкуснее, чем та, что подавали в ресторанах.

Однако Ли Тан уже давно не ел эту лапшу. Поэтому, когда он подошел к кухне и увидел занятую спину Чжан Чжаоюэ, ему показалось, что прошла целая вечность.

Лапшу подали быстро. Чжан Чжаоюэ приготовила три порции и позвала тетю, чтобы та села и поела вместе.

Тетужка, следовавшей правилам, было неудобно есть за одним столом с семьей, и вместо этого она отнесла свою миску на кухню.

Ли Тан уже давно не сидел за одним столом с матерью, и чувствовал себя несколько неловко и скованно. Он подавился перцем чили уже после двух укусов, несколько раз отвернулся, чтобы покашляться, а когда вернулся, увидел перед собой стакан воды.

— Ешь медленно, — сказала Чжан Чжаоюэ.

Ли Тан хмыкнул в знак согласия и опустил голову так, что его лицо почти уткнулось в миску.

Когда это началось, что даже забота со стороны матери заставляла его чувствовать себя подавленным?

После завтрака, собираясь уходить, Ли Тан вспомнил, что книга, которую он читал перед сном, все еще лежит у него на прикроватном столике. Он вернулся домой и поспешил наверх.

Поднявшись на второй этаж, он заметил, что дверь комнаты Чжан Чжаоюэ полуоткрыта, и изнутри доносятся голоса.

— Это ты организовал мое возвращение в Сюйчэн. Я никогда не собиралась его видеть, да и не осмеливалась. Я просто хотела узнать, как у него дела...

Кажется, она разговаривала по телефону.

Чувствуя присутствие за дверью, Чжан Чжаоюэ подняла взгляд и прикрыла микрофон.

— Почему ты снова здесь?

Ли Тан сказал:

— Я вернулся, чтобы кое-что взять.

Он видел панику на лице матери и видел слезы в ее глазах.

Он хотел спросить маму, почему она плачет, но боялся, что этот вопрос может ее еще больше огорчить. Поэтому он просто протянул ей салфетку.

По дороге в школу Ли Тан не мог отделаться от мысли, что «ты» относилось к Ли Юаньшаню, а это означало, что его мать разговаривала с его отцом.

Так кем же был этот «он», о котором говорила его мать?

Какой человек мог так беспокоить его мать?

В этом году осень в Сюйчэне наступила необычно рано, но по григорианскому календарю настоящая осень началась в ноябре.

В прошлом месяце некоторые девушки, любившие похвастаться своей красотой, упорно носили

летнюю форму, включая юбки. Однако в этом месяце все без исключения переоделись в более плотную осеннюю форму, надев под нее свитера и шерстяные носки.

Только Су Циньхань из 2-го класса все еще носила юбку, словно холод ее не беспокоил. Она накинула на плечи форменную куртку, оставив молнию расстегнутой.

Во время тренировки два класса находились близко друг к другу, и Ли Тан увидел, как директор вошел в строй и встал перед Су Циньхань, отчитывая ее за неподобающую одежду со строгим выражением лица.

Су Циньхань с улыбкой сказала:

— Дай мне сегодня передышку, хорошо? Только сегодня.

Ли Тан догадался, почему Су Циньхань сегодня решила надеть юбку.

После окончания утренних занятий его сосед по парте Ли Цзычу сказал, что сегодня не будет обедать в столовой, потому что у него есть дела и ему нужно покинуть территорию школы.

— Что ты собираешься делать? — спросил Ли Тан.

Ли Цзычу ответил:

— Я пойду подстригусь.

Услышав это, Ли Тан заметил, что короткая стрижка Ли Цзычу значительно отросла; волосы на висках почти касались ушей.

Ли Цзычу был единственным в классе, кто носил короткую стрижку, что делало его весьма заметным.

— Ты больше не стрижешься коротко? — спросил Ли Тан.

— Нет, не буду. Зима близко, а длинные волосы помогают согреться, — сказал Ли Цзычу, проводя рукой по щетинистой коже головы. — Ой, немного колючие на ощупь.

Но кто станет трогать чужую голову просто так? Ли Тан подумал, что он точно не станет этого делать.

Во время обеденного перерыва, поспешно пообедав в столовой, Ли Тан отправился в здание университета и поднялся по последнему пролету лестницы на крышу. Он намеренно снижал

шаг, ступая медленно и осторожно.

Чтобы не показаться слишком нарочитым, он даже взял с собой классический роман, рекомендованный его учителем китайского языка, толстый том Графа Монте-Кристо.

В трех шагах от вершины он едва уловил голоса разговаривающих людей.

— Как долго ты собираешься притворяться ничего не понимающим? — раздался голос Су Циньхань.

— О чем ты? — другим человеком, естественно, был Цзян Лу.

— Вся школа знает, что я за тобой ухаживаю. Когда ты собираешься дать мне ответ?

— Это необходимо?

— Да!

Помедлив немного, Цзян Лу сказал:

— Я не так хорош, как ты думаешь.

— Неважно, хороший ты или нет. Хорош ты или нет решать не тебе.

Цзян Лу, казалось, тихо рассмеялся.

Этот смех разозлил Су Циньхань, и она повысила голос:

— Это твой способ отвергнуть меня?

— Можешь так считать, — тон Цзян Лу оставался безразличным.

— ...Хорошо, я поняла.

Ли Тан услышал дрожь в голосе Су Циньхань.

Она была готова расплакаться.

— Ты, ты действительно...

Она не закончила предложение, возможно потому, что гордость не позволила ей это сделать.

Но Цзян Лу не выказал ни малейшего желания ей сочувствовать. Только когда Су Циньхань повернулась, чтобы уйти, он крикнул ей:

— Это...

В руках у него была подарочная коробочка.

Су Циньхань окончательно потеряла самообладание. Взмахом руки она сбила коробку на пол.

— Это подарок тебе на день рождения. Можешь принять его или выбросить — как распорядишься, решать только тебе!

Сделав несколько шагов вперед, она обернулась.

— Не волнуйся, я не скажу отцу и не стану причиной для того, чтобы тебя снова вызвали в кабинет директора.

Цзян Лу слабо хмыкнул:

— Тогда спасибо.

Ему совершенно не хотелось участвовать в этой сцене, поэтому Ли Тан вернулся в коридор на нижнем уровне, прислонился к стене и полчаса листал книгу, прежде чем спуститься по лестнице.

Спускаясь на один уровень, он столкнулся с одной из вовлеченных сторон, с Су Циньхань, сидевшей на ступеньках, ведущих с третьего этажа на второй, держа в пальцах тонкую сигарету.

Она повернула голову, их взгляды встретились, и еще одна слеза капнула из ее глаза, скатившись по щеке.

Это была уже вторая плачущая женщина, которую он видел сегодня. Ее макияж был размазан, а помада смазана, показывая, что образы для того, кто тебе нравится, не всегда получаются идеальными.

Ли Тан подошел и сел рядом с Су Циньхань. Долгое время они молчали.

Первой нарушила молчание Су Циньхань. Она взглянула на книгу на коленях Ли Тана и

спросила гнусавым голосом:

— Хорошая?

Ли Тан на мгновение задумался:

— Хорошая.

— О чем она?

— Мечь и благодарность.

Су Циньхань слегка улыбнулась, затягиваясь в последний раз. Она наклонила голову, чтобы медленно выдохнуть белый дым, и потушила сигарету на ступеньке.

— Если ты не переносишь запах дыма, почему ты прямо об этом не сказал?

Ли Тан на мгновение остолбенел, прежде чем понял, что она спрашивает его. Он ответил:

— Запах твоей сигареты не слишком сильный.

Он считал, что чувствительные люди, как правило, являются хорошими наблюдателями. Какими бы проницательными они ни казались снаружи, в глубине души они обладают мягким сердцем.

Следовательно, Су Циньхань могла знать, что Цзян Лу на самом деле не курит. Возможно, она уже догадалась, что Цзян Лу не согласится. Она просто хотела признаться в его день рождения, цепляясь за эту возможность.

— Ты думаешь, он мстит мне? — спросил Су Циньхань. — Мстит мне за то, что я всегда его беспокою, мстит мне за то, что я заставила его пойти на допрос к директору школы?

Ли Тан поджал губы, не зная, как ответить.

Но, похоже, Су Циньхань просто разговаривала сама с собой, а не задавала ему никаких вопросов.

— Этот парень... — Су Циньхань сделала глубокий вдох, и ее голос слегка дрогнул. — Он все знает, но делает вид, что ничего не знает, ожидая, когда другие столкнутся с его несокрушимой стеной... Он просто стоит там, неподвижный, ожидая, когда я столкнусь, как будто он совершенно невинен.

После вечерних самостоятельных занятий Ли Тан вместе с толпой направился к школьным воротам. На автобусной остановке он встретил одноклассника Чжоу Дунцзе.

Чжоу Дунцзе удивился, что он сегодня не поедет на личном автомобиле, и спросил его:

— Куда ты едешь?

Глаза Ли Тана слегка блеснули:

— Мне нужно кое о чем позаботиться.

Увидев приближающегося Цзян Лу, глаза Ли Тана загорелись, словно он нашел свою цель. Когда он уже собирался последовать за ним в автобус, Чжоу Дунцзе крикнул ему в спину:

— Уже так поздно, не уходи. Пойдем перекусим вместе.

Нога Ли Тана уже была в автобусе, и он повернулся, чтобы ответить:

— В следующий раз, сегодня мне нужно сделать кое-что очень важное.

В последнем автобусе было не так много пассажиров, и стоя в проходе автобуса, Ли Тан посмотрел на затылок Цзян Лу, начиная размышлять о том, о чем тот думал в течение этих тридцати минут на этом ежедневном маршруте.

Вспоминал ли он то, что произошло сегодня, или даже более раннее?

Или, возможно, он вообще ни о чем не думал?

Когда автобус выехал из остановки, двери закрылись, и рев двигателя унес пыль. Только тогда Цзян Лу обернулся.

Он не спросил, почему Ли Тан последовал за ним, а вместо этого спросил:

— Ты голоден?

Ли Тан взял свой рюкзак и на мгновение задумался:

— Немного.

Цзян Лу ничего не сказал и шагнул вперед.

Ли Тан последовал за ним, и вместе они пересекли голые кустарники, ступая по каждому булыжнику, направляясь к ближайшему источнику света.

Магазин, на котором не было указано, что он работает круглосуточно, в это время все еще работал. Цзян Лу обошел магазин и вышел, протягивая Ли Тану пакет. Ли Тану пришлось одной рукой держать тяжелый рюкзак, а другой протянуть руку, чтобы принять его.

Окунувшись в свет, падавший из входа в магазин, он увидел, что это закуска под названием «Кошачьи ушки», которая заинтересовала Ли Тана с момента его первого визита сюда.

Луна выглянула из-за облаков, очертив горы размытым, пушистым краем.

В доме Цзян Лу, когда Ли Тан открыл упаковку и съев третий кусочек, убедился, что кошачьи ушки сладкие, он услышал, как Цзян Лу спросил:

— Почему ты здесь?

Ли Тан вздрогнул и проснулся, вытирая руки салфеткой. Он вытащил из рюкзака картонную коробку размером с ладонь, одной рукой подтягивая ее, а другой поддерживая, и извлек из нее лампу.

Это был светильник в форме кролика, работающий на солнечной энергии, который поглощал солнечный свет в течение дня и автоматически включался ночью.

— За твоей дверью нет света.

Когда Ли Тан щелкнул выключателем, лампа с изображением кролика внезапно загорелась, и Цзян Лу ясно увидел, что пухлый белый кролик держит в руках круглый мяч, большой и яркий, почти как полная луна пятнадцатого дня лунного месяца.

Ли Тан долго выбирал эту лампу. Он задавался вопросом, сможет ли Цзян Лу разглядеть в ней скрытый смысл: кролик был его знаком зодиака, а луна — аватаром в WeChat.

Услышав легкий смех, он понял, что Цзян Лу протянул палец, чтобы ткнуть кролика в ухо:

— Если ты выставишь его за дверь, завтра он исчезнет.

Этот район состоял из старых домов, не имеющих ни управления, ни охраны. Такие хрупкие вещи, оставленные снаружи, вскоре могли быть украдены.

Ли Тан предвидел эту проблему и, словно по волшебству, вытащил из рюкзака тонкую пеньковую веревку, продел ее через уши кролика, создав таким образом ручку, похожую на фонарь.

Подойдя к окну рядом с дверью, он повесил лампу на гвоздь с внутренней стороны стеной рамы.

Таким образом, свет можно было видеть и снаружи.

Обернувшись, Ли Тан спросил:

— Как насчет этой позиции?

Но его встретил пустой взгляд Цзян Лу и затененное, почти холодное лицо в тусклом свете.

Сердце Ли Тана екнуло.

По непонятной причине он почувствовал, что это была самая подлинная внешность Цзян Лу.

В мире было так много мирских развлечений, но он не проявлял никакого интереса к участию и никогда не был полностью вовлечен в них.

Это он, это они настояли на том, чтобы привлечь Цзян Лу. Поэтому молчаливое отчуждение Цзян Лу, как его можно не считать невиновным?

Хотя Цзян Лу позже улыбнулся, как обычно.

Он спросил:

— Это подарок на день рождения?

Затем он продолжил:

— Но я никогда не отмечаю свой день рождения.

В этом месте, вероятно, следует задаться вопросом «почему».

Но Ли Тан не хотел спрашивать. Он чувствовал, что ответом будет очередная грустная история.

И он сказал:

— Считай это гостинцем. Я уже в третий раз прихожу к тебе в гости, и на этот раз я что-то принес.

Повесив лампу и вернувшись, Ли Тан сел на стул рядом с Цзян Лу и сфотографировал лампу-кролика на свой телефон.

Позже, когда он потянулся за кошачьими ушками, чтобы съесть их, Ли Тан спросил:

— Что раньше висело на этом гвозде?

Проследив за направлением его взгляда, глаза Цзян Лу слегка расширились.

— Что там висело? — пробормотал он. — Может быть, это был календарь.

Это был календарь, который висел на стене, от которого каждый день отрывали по странице. На обложке был изображен Бог Богатства, бумага была тонкой и полупрозрачной, покрытой плотными китайскими иероглифами, и на ней была диаграмма багуа. В один день она была зеленой, в другой — красной.

Давным-давно, уходя утром, глава семьи отрывал страницу и говорил своему ребенку:

— Подожди, пока этот календарь не будет разорван до конца, и мама вернется.

Ребенок верил без сомнений. Желая увидеть свою маму, которая существовала только в сказках и которую он никогда не встречал, он тайком вырывал листки из календаря, когда отца не было дома, отрывая несколько листков спереди, несколько посередине и несколько снизу.

В результате в тот год его отец часто находил в календаре недостающие страницы и забавно и беспомощно утешал ребенка:

— В году 365 дней, и каждый день нужно прожить размеренно.

Но когда он терпеливо считал дни и проживал их один за другим, мама так и не вернулась.

Отец снова сказал ему:

— Когда тебе исполнится десять, мама обязательно вернется. Это наше десятилетнее соглашение.

Позже, в возрасте семи лет, он впервые встретил свою мать, но она недолго пробыла дома и вскоре ушла.

И она увезла его отца.

Позже он узнал, что так называемое «десятилетнее соглашение» было всего лишь благожелательной ложью.

Календарь был разорван на части, оставив после себя лишь ржавый железный гвоздь, торчащий из стены, словно шутка.

Цзян Лу сидел молча, пережевывая прошлое, пока оно не стало горьким и безвкусным, старым и пожелтевшим.

Видя, что Цзян Лу подпирает подбородок, испытывая недостаток энергии, Ли Тан предположил, что он тоже голоден, и отщипнул кусочек кошачьих ушек, чтобы предложить ему.

Цзян Лу опустил глаза, протянул руку, схватил Ли Тана за запястье и подтянул его ко рту, откусил кусочек от его руки.

Зубы ударились о ноготь, а подушечка пальца коснулась чего-то влажного и теплого. Ли Тан быстро отдернул руку, его щеки быстро запылали.

Чтобы скрыть свою необычную реакцию, Ли Тан нашел другую тему:

— Даже если ты не празднуешь дни рождения, ты все равно можешь загадывать желания.

— Это так.

— Хм, тогда загадывай желание.

— Хорошо.

За окном туманная луна спряталась в тонких облаках.

Через некоторое время Ли Тан не смог устоять перед любопытством:

— Какое желание ты загадал?

— Я...

— Давай не будем об этом говорить. Желания не принято произносить вслух.

Цзян Лу рассмеялся:

— Идиот.

«Тебе следует надеяться, что этого не произойдет».

<http://bllate.org/book/13923/1226772>